

Э. Ганнисон¹¹ Университет Сиэтла, г. Сиэтл, США

Отказ от преступной деятельности: гендерные сходства и различия

Переводчик Е. Н. Беляева

Элейн Ганнисон, PhD в области уголовного правосудия, доцент и руководитель магистерских программ кафедры уголовного правосудия, Университет Сиэтла
E-mail: gunnisone@seattleu.edu

Аннотация

Цель: выявление общих и отличительных признаков между отдельными группами правонарушителей мужского и женского пола, отказавшихся от преступной деятельности, продолжающих преступную деятельность, начавших ее в позднем возрасте и конформистов.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: несмотря на то, что ряд исследователей приходили к выводу о схожести социально-психологических предикторов преступности для обоих полов, другие криминологи утверждают, что предикторы преступности у женщин и мужчин различны. Результаты настоящего исследования показывают некоторые сходства и различия в факторах риска между отдельными группами преступников по полу, а также в предикторах отказа от совершения преступлений у женщин и мужчин. Таким образом, исследователи, изучающие проблему отказа от преступной деятельности, не могут исходить из общего влияния переменных независимо от пола, напротив, необходимо учитывать возможность специфического влияния предикторов отказа от преступной деятельности у женщин и мужчин.

Научная новизна: в последние несколько десятилетий значительно активизировалось изучение женской преступности. Парадигма исследования криминальной карьеры, предложенная в 1986 г. Blumstein с соавторами, дает возможность изучать преступность, в том числе женскую, с различных точек зрения. Среди них можно выделить теоретические подходы к таким аспектам, как начало, продолжение и отказ от преступной деятельности. На основе материалов Национального опроса молодежи в работе изучаются черты сходства и различия между отдельными группами правонарушителей мужского и женского пола (отказавшихся от преступной деятельности, продолжающих преступную деятельность, начавших ее в позднем возрасте и конформистов), а также теоретические предикторы отказа от совершения менее тяжких преступлений и продолжения преступной деятельности. В результате исследования были выявлены значительные гендерные различия между отдельными группами правонарушителей, а также черты сходства и различия между полами в отношении предикторов отказа от совершения менее тяжких преступлений и продолжения преступной деятельности.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с предупреждением и пресечением правонарушений.

© Ганнисон Э., 2024. Впервые опубликовано на русском языке в журнале Russian Journal of Economics and Law (<https://rusjel.ru>) 25.12.2024

Представленный материал публикуется без купюр, в интерпретации автора.

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS) и The Western Society of Criminology: CCJLS@WesternCriminology.org.

Цитирование оригинала статьи на английском: Gunnison, E. (2014). Desistance from Criminal Offending: Exploring Gender Similarities and Differences. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 15(3), 75–95.

URL публикации: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/422.pdf>

Ключевые слова:

преступность, правонарушение, отказ от преступной деятельности, продолжение преступной деятельности, пол преступника, отдельные группы

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Ганнисон, Э. (2024). Отказ от преступной деятельности: гендерные сходства и различия. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 971–992. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.971-992>

Scientific article

E. Gunnison¹

¹ Seattle University, Seattle, USA

Desistance from criminal offending: exploring gender similarities and differences

Translator E. N. Belyaeva

Elaine Gunnison, PhD in Criminal Justice Associate Professor and Graduate Director in the Criminal Justice Department, Seattle University
E-mail: gunnison@seattleu.edu

Abstract

Objective: to reveal the similarities and differences between female and male discrete offender groups (desisters, persisters, late onseters, and conformers).

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.

Results: while some researchers have concluded that psycho-social predictors of crime are similar across gender, other criminologists have argued that predictors of crime may vary between females and males. The results from this investigation reveal some similarities and differences in the risk factors between discrete offender groups by gender and the predictors of female and male desistance from crimes. Therefore, researchers studying desistance cannot assume the generality of effects of variables across gender; rather, they must also consider the possibility of specific effects of predictors on female and male desistance.

Scientific novelty: Over the past several decades, researchers have more fervently examined female offending. The criminal career research paradigm put forth by Blumstein and colleagues in 1986 offers an opportunity for researchers to examine offending, including female offending, from multiple perspectives including onset, persistence, and desistance from a multitude of theoretical traditions. Using data from the National Youth Survey, this investigation examined the similarities and/or differences between female and male discrete offender groups (desisters, persisters, late onseters, and conformers) and theoretical predictors of desistance and persistence from less serious crimes. Results of the research revealed significant gender differences between the discrete offender groups as well as similarities and differences between the genders in predictors of desistance and persistence for less serious crimes.

The submitted material is published in full, as interpreted by the author.

The article was first published in English language by *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org.

For original publication: Gunnison, E. (2014). Desistance from Criminal Offending: Exploring Gender Similarities and Differences. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 15(3), 75–95.

Publication URL: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/422.pdf>

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to preventing and eliminating crimes.

Keywords:

crime, offense, desistance from criminal activity, persistence for criminal activity, gender of offenders, discrete offender groups

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Gunnison, E. (2024). Desistance from criminal offending: exploring gender similarities and differences. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 971–992. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.971-992>

Введение

Возрастная криминология, или криминология течения жизни, возникла в 1980-х гг. и коренным образом изменила то, как исследователи сегодня рассматривают модели совершения правонарушений. Криминологи этого направления не довольствуются однофакторными объяснениями криминального поведения, такими как напряжение или связи с делинквентными сверстниками, а расширяют границы своей дисциплины и изучают различные факторы риска, взятые из множества дисциплин (например, психологии, социологии, биологии) (Loeber & Le Blanc, 1990). Они рассматривают, как эти факторы риска проявляются и влияют на модели совершения правонарушений на протяжении криминальной карьеры, отмечая при этом, что существуют различные аспекты преступной деятельности (например, ее начало, продолжение или прекращение; Blumstein et al., 1986). В конечном счете преступное поведение следует понимать не только в контексте начала, но и в иных аспектах криминальной карьеры, таких как отказ от совершения преступлений. Более того, в отличие от многих традиционных криминологических подходов, которые в основном объясняли мужские модели преступного поведения (например, Cohen, 1955; Hirschi, 1969), теории в рамках криминологии течения жизни предлагают модели преступного поведения для обоих полов (например, Moffitt, 1993; Patterson & Yoerger, 1993).

В 1986 г. Blumstein с соавторами подчеркивали, что отказ от преступной деятельности – это не только важнейший аспект возрастной криминологии, который необходимо учитывать при изучении жизненного пути девиантной личности, но и значимая область эмпирических исследований (Blumstein et al., 1986). Однако модели отказа от совершения преступлений поначалу практически игнорировались в криминологических исследованиях. В 1990-х гг. появились эмпирические исследования в этой области, а в 2000-е гг. их стало больше. Изначально исследования, посвященные проблеме отказа от преступной деятельности, сводились к изучению этого феномена среди мужчин (Loeber et al., 1991; Ouimet & Le Blanc, 1996; Shover & Thompson, 1992). Однако вскоре стали появляться исследования их у женщин (Brown & Ross, 2010; Craig & Foster, 2013; Doherty & Ensminger, 2013; Giordano et al., 2002; McIvor et al., 2009; Sommers et al., 1994; Uggen & Kruttschnitt, 1998; Varriale, 2008).

Несмотря на широкое распространение исследований по данной проблеме, ученым еще предстоит изучить сходства и/или различия между отдельными группами правонарушителей (например, между группами лиц, отказавшихся от преступной деятельности, продолжающих преступную деятельность, начавших ее в позднем возрасте, и конформистов) и представителями разных полов, используя лонгитюдные данные. Например, Gunnison и Mazerolle (2007) в своей работе рассматривают отдельные группы правонарушителей, но не то, как факторы риска отличаются в этих группах по полу. Кроме того, они не изучали сходство и различие факторов, предсказывающих отказ от совершения преступлений, для женщин и мужчин в долгосрочной перспективе. Трудно переоценить важность более глубокого понимания проблемы отказа от преступлений для женщин, поскольку, по данным некоторых исследователей, женщины более склонны к такому отказу,

чем мужчины (Weiner, 1989). Таким образом, понимание причин, по которым это происходит, может помочь в выработке политики, способствующей отказу от преступлений как среди женщин, так и среди мужчин. Используя данные Национального опроса молодежи, мы в своей работе углубляем предыдущие исследования, фокусируясь на изучении как отдельных групп правонарушителей обоих полов, так и моделей отказа от преступной деятельности.

Теоретические объяснения и эмпирические подтверждения отказа от преступной деятельности

В работе Uggen и Piliavin утверждается, что «криминологи уделяют относительно мало внимания теоретическому осмыслению процесса отказа от преступной деятельности. Это объясняется тем, что криминологическая теория и исследования в основном рассматривают вопросы этиологии, то есть причины преступности» (Uggen & Piliavin, 1998. Р. 1400). Предпринимались лишь редкие попытки разработать общую криминологическую теорию, объясняющую отказ от преступной деятельности. В ряде теоретических исследований этот аспект преступности только упоминается, и лишь недавно исследователи вплотную приступили к его изучению. В следующих разделах представлены теоретические объяснения и эмпирические подтверждения отказа от преступной деятельности в связи с гендерными различиями.

Теории социального контроля

В ряде теорий социального контроля делаются попытки объяснить отказ от совершения преступлений. Некоторые ученые указывают на возраст или скрытые особенности в качестве фактора такого отказа; другие криминологи предполагают, что модели отказа от преступной деятельности лучше объясняются с помощью социальных аспектов (Gottfredson & Hirschi, 1990; Hirschi, 1969; Hirschi & Gottfredson, 1983; Sampson & Laub, 1993). Хотя Gottfredson и Hirschi (1990) в своей общей теории преступности утверждают, что такой отказ зависит исключительно от возраста, эмпирическое обоснование этой точки зрения представляется неоднозначным (Pezzin, 1995; Shover & Thompson, 1992; Sweeten et al., 2013). С другой стороны, сильное эмпирическое подтверждение получила теория возрастной градации Sampson и Laub (1993), которая предполагает, что крепкие, значимые связи (такие как брак и трудоустройство) способствуют отказу от совершения преступлений. Многие исследователи находили эмпирическое подтверждение тому, что социальные связи (например, брак, трудоустройство, привязанность к родителям) способствуют отказу от преступной деятельности (Farrington & West, 1995; Giordano et al., 2011; Horney et al., 1995; Laub et al., 1998; Meisenhelder, 1977; Rand, 1987; Sampson & Laub, 1993; Schroeder et al., 2010). Так, Sampson и Laub (1993) обнаружили, что крепкий брак заставляет многих правонарушителей отказаться от преступного образа жизни, а Horney с соавторами (1995) подтвердили, что правонарушители-мужчины, проживающие вместе со своими женами, с большей вероятностью прекращают совершать преступления. В других работах было показано, что брак способствует отказу как от преступной деятельности, так и от употребления алкоголя и наркотиков (Farrington & West, 1995; Fillmore et al., 1991; Labouvie, 1996; Laub et al., 1998; Leonard & Homish, 2005; Mischkowitz, 1994; Ragan & Beaver, 2010; Sampson & Laub, 1990; Temple et al., 1991; Thompson & Petrovic, 2009; Warr, 1998), а в последнее время некоторые исследователи также пришли к выводу, что сильная привязанность родителей к ребенку может способствовать отказу от преступной деятельности (Schroeder et al., 2010).

Появились эмпирические исследования того, является ли брак фактором отказа от совершения преступлений среди женщин (Bersani et al., 2009; Doherty & Ensminger, 2013; Giordano et al., 2002). Например, Giordano с соавторами (2002) проанализировали количественные и качественные данные 93 юношей и 104 девушек из Толедо, штат Огайо. В отличие от выводов Sampson и Laub (1993), исследователи обнаружили, что супружеская привязанность не связана с отказом от преступной деятельности ни у мужчин, ни у женщин. Однако нарративный анализ факторов такого отказа, проведенный Giordano с соавторами (2002), прояснил несколько ключевых черт сходства и различия в моделях этого феномена у мужчин и женщин. Было показано, что для некоторых женщин и мужчин брак может способствовать такому отказу, т. е. брачные партнеры воспринимались как «катализатор», помогающий отказаться от прежних моделей совершения правонарушений. В работе Doherty и Ensminger (2013) изучалось влияние брака на афроамериканцев обоих полов, однако значимого эффекта в отношении отказа от преступной деятельности для женщин обнаружено не было.

Дополнительные исследования, посвященные социальным связям, способствующим отказу от преступной деятельности, показали, что таким фактором для мужчин и женщин могут стать трудоустройство и даже служба в армии (Craig & Foster, 2013; Horney et al., 1995; Opsal, 2012; Rand, 1987; Sampson & Laub, 1993, 1996). Craig и Foster (2013) в своем лонгитюдном исследовании молодых людей, начинающих взрослую жизнь, обнаружили, что призыв в армию был связан с отказом от преступной деятельности у женщин, но не у мужчин.

Теории сдерживания/рационального выбора

Некоторые ученые объясняют отказ от совершения преступлений тем, что человек принимает рациональное решение прекратить преступный образ жизни (Cornish & Clarke, 1986). Эмпирическое подтверждение теории сдерживания/рационального выбора в отношении отказа от преступной деятельности является неоднозначным. Эту проблему изучали с ретроспективной и/или качественной точки зрения, обычно на небольших, нерепрезентативных выборках мужчин-правонарушителей (Esbensen & Elliott, 1994). Например, некоторые ученые пришли к выводу, что мужчины-правонарушители, вероятнее всего, отказываются от совершения преступных действий из-за страха перед тюремным заключением или осознания того, что преступление было контрпродуктивным для их жизни (Cusson & Pinsonneault, 1986; Shover, 1996). В одном из таких количественных исследований Shover и Thompson (1992) изучили отказ от преступной деятельности на материале данных о 948 мужчинах, заключенных в тюрьму за три года до момента анализа. В частности, исследователи определяли, оказывает ли возраст косвенное влияние на отказ от преступной деятельности через оценку человеком рисков и выгод, связанных с такой деятельностью. Было обнаружено, что преступники, имеющие низкие ожидания успеха своей преступной деятельности, более склонны отказаться от нее.

Изучение моделей отказа от преступной деятельности у женщин показало, что женщины, понимающие последствия своего преступного поведения, также более склонны отказаться от него. Sommers с соавторами (1994) провели качественное исследование 30 женщин с помощью опросов и самоотчетов. Они обнаружили, что для некоторых женщин фактором отказа от совершения преступлений явилось осознание, что девиантный образ жизни, который они вели, приводит к проблемам; другие решили, что достигли того момента в своей жизни, когда необходимы перемены и нужно заново открыть для себя обычные жизненные занятия. Особый интерес представляет тот факт, что многие женщины в выборке рассматривали свой возраст как фактор, влияющий на их отказ от преступной деятельности. Иными словами, эти женщины опасались более длительного тюремного заключения, если их снова поймают за преступной деятельностью. В количественном исследовании, в котором участвовали как мужчины, так и женщины, Pezzin (1995) на материале молодежной когорты Национального лонгитюдного опроса проанализировала решение о прекращении участия в преступной деятельности. Было обнаружено, что значимым предиктором такого решения являются издержки, связанные с карательными санкциями. В частности, она отметила, что лица, имеющие высокий легальный заработок или доход, с наибольшей вероятностью отказываются от продолжения преступного образа жизни. Таким образом, немногочисленные работы, посвященные изучению отказа от преступной деятельности с точки зрения теории сдерживания/рационального выбора, свидетельствуют о том, что мужчины и женщины описывают схожие мотивы отказа от совершения преступлений.

Теории дифференциальных связей/социального обучения

В криминологических исследованиях была показана связь начала преступной деятельности с усвоением криминальных взглядов и общением со сверстниками из преступных сообществ (Akers, 1990; Sutherland, 1947). Таким образом, ожидается, что воздействие просоциальных взглядов и общение с просоциальными сверстниками может привести к отказу от преступного поведения. Действительно, в исследованиях, посвященных отказу от употребления наркотиков, было показано, что устранение связей с антисоциальными сверстниками значительно влияет на решение об отказе от наркотиков (Lanza-Kaduce et al., 1984; White & Bates, 1995).

Другие эмпирические исследования, не относящиеся к сфере наркотиков, подтверждают теорию дифференциальных связей/социального обучения и ее роль в объяснении отказа от преступной деятельности. Так, Ayers с соавторами (1999) в лонгитюдном исследовании с участием 297 юношей и 269 девушек обнаружили, что принадлежность к более традиционной среде положительно коррелирует с отказом от преступной деятельности независимо от пола. Warr (1993) проанализировал данные о лицах мужского пола, полученные в ходе Национального опроса молодежи, и обнаружил, что связи со сверстниками в выборке менялись по

мере взросления респондентов: их делинквентные связи со сверстниками уменьшались, что, в свою очередь, приводило к снижению уровня вовлеченности в преступную деятельность. Опираясь на теорию дифференциальных связей Сазерленда, Warr (1998) исследовал зависимость между значительными изменениями в жизни, ведущими к отказу от преступных действий, и изменениями в отношениях со сверстниками (например, уменьшением времени, проводимого с девиантными друзьями, появлением новых просоциальных друзей). В своей работе, также на основе данных Национального опроса молодежи, Warr (1998) показал, что начало семейной жизни часто ведет к нарушению или разрыву отношений с друзьями, в том числе делинквентными. Это исследование не только подтверждает теорию дифференциальных связей/социального обучения, но и указывает на положительную роль социальных связей в отказе от преступной деятельности, о чем говорили Sampson и Laub (1993). В недавней работе Sweeten с соавторами (2013) обнаружили, что отказ от участия в преступных группировках был связан с уменьшением числа антисоциальных связей со сверстниками.

Общая теория напряжения

Еще одна теория, которая вносит свой вклад в понимание проблемы отказа от преступной деятельности, – это общая теория напряжения, предложенная Agnew (1992). Согласно этой теории, люди, испытывая напряжение, подвергаются повышенному риску возникновения негативных эмоций, в частности гнева. Когда подросток испытывает гнев, снижается воздействие сдерживающих факторов, препятствующих совершению преступления. Это повышает вероятность совершения преступного деяния, поскольку подростки часто не владеют просоциальными стратегиями преодоления гнева. Эмпирически было неоднократно показано, что напряжение может служить спусковым механизмом для начала преступного поведения (Agnew & White, 1992; Paternoster & Mazerolle, 1994). Однако вопрос о том, способствует ли снижение напряжения отказу от преступной деятельности, до настоящего времени не изучался.

При этом изучались гендерные различия в типах напряжения и реакциях на него, а также гендерные различия преступного поведения (Broidy & Agnew, 1997; Mazerolle, 1998). Broidy и Agnew (1997) исследовали, применима ли общая теория напряжения к представителям обоих полов, и пришли к выводу, что теория объясняет правонарушения как мужчин, так и женщин. Однако исследователи отмечали, что мужчины и женщины испытывают разные типы напряжения и по-разному реагируют на эти стрессовые воздействия. В лонгитюдном анализе данных первых двух волн Национального опроса молодежи Mazerolle (1998) обнаружил гендерные различия в том, как напряжение влияет на склонность к насильственному поведению. Например, он отметил, что воздействие множества негативных жизненных событий (например, смерть близкого человека) и негативные отношения со взрослыми людьми являются криминогенными для мужчин, но не для женщин. Таким образом, данное исследование показывает, может ли общая теория напряжения объяснить отказ от преступной деятельности и различаются ли процессы, связанные с напряжением, у мужчин и женщин. Это позволяет прогнозировать варианты такого отказа.

Другие факторы отказа от преступной деятельности

Мужчины. В работе Shover и Thompson (1992) было обнаружено, что отказ от преступной деятельности зависит в первую очередь от возраста, но значимыми предикторами оказались и другие факторы, например, надежды на успешное завершение преступного деяния и уровень образования. Также Loeber с соавторами (1991) на выборке из 850 подростков мужского пола по материалам Питтсбургского опроса молодежи показали, что отказ от преступной деятельности коррелирует с низким уровнем социального отчуждения и деструктивного поведения, а также с высоким уровнем позитивных мотивационных и мировоззренческих факторов.

Недостаточно изучена также вероятность того, что появление ребенка является мотивирующим фактором для отказа от преступной деятельности. Эта гипотеза была выдвинута Hughes (1998) в качественном исследовании 20 молодых мужчин афроамериканского и латиноамериканского происхождения. Rutter (1994) также пишет о том, что влияние отцовства в подростковом возрасте на жизненные траектории мужчин мало изучено. При этом, исследовав 106 мужчин-правонарушителей 1945 года рождения из Филадельфии, Rand (1987) не обнаружил значительного влияния отцовства на отказ от преступной деятельности.

Женщины. Эмпирических исследований, посвященных отказу от преступной деятельности среди женщин, очень немного. Большая часть их сосредоточивается на качественных, а не лонгитюдных количественных данных. Поэтому модели такого отказа еще менее изучены, чем в отношении мужчин.

Переходные периоды: беременность и родительство

Исследования по проблемам наркотиков показывают, что беременность или родительство способствуют отказу от употребления наркотиков у женщин-правонарушительниц (Yamaguchi & Kandel, 1985). Chen и Kandel (1998) обследовали 706 лиц мужского и женского пола, употреблявших марихуану, в старших классах школы, а затем повторно в возрасте 34–35 лет. Они обнаружили, что беременность, а затем рождение ребенка были наиболее важными факторами, которые привели к прекращению употребления марихуаны для женщин. Хотя Chen и Kandel (1998) не изучали связь между материнством и преступностью, их исследование представляет собой шаг на этом пути. В последнее время начали появляться исследования, посвященные выявлению возможной связи между материнством и отказом от совершения уголовных преступлений. Например, работа Giordano с соавторами (2002) не подтверждает, что этот фактор способствует отказу от преступлений. По мнению Rutter (1994), подавляющее большинство исследований указывает на то, что беременность в подростковом возрасте негативно влияет на дальнейшую жизнь женщины. Однако на материале опроса 11 женщин Graham и Bowling (1995) обнаружили, что появление детей было для женщин-правонарушительниц важнейшим фактором отказа от преступной деятельности. В работе Giordano с соавторами (2011) показали, что женщины, которые забеременели и хотели забеременеть, часто воздерживаются от преступных моделей поведения. Привязанность родителей к детям также может способствовать отказу от преступлений среди женщин (Michalsen, 2011).

Дополнительные **факторы отказа от преступной деятельности**. Помимо вышеперечисленных факторов, исследователи обнаружили и другие. Одно из немногих неколичественных исследований отказа от преступной деятельности среди женщин было опубликовано Uggen и Kruttschnitt (1998). Ученые изучили самоотчеты мужчин и женщин за трехлетний период и обнаружили, что факторы отказа от девиантного поведения в основном совпадают для обоих полов. Однако повторный анализ официальных данных показал ряд различий по признаку пола. Например, употребление наркотиков и наличие судимостей повышали риск ареста для женщин более чем в два раза по сравнению с мужчинами. Таким образом, женщины, имеющие судимости и употреблявшие наркотики, менее склонны к отказу от преступной деятельности, чем мужчины с такими же характеристиками. Аналогичным образом, Born с соавторами (1997) использовали данные проекта *Public institutions for the Protection of Youth (I.P.P.J.)*, в котором оценивались перспективы 363 несовершеннолетних мужского и женского пола, помещенных в специализированные учреждения в Бельгии. Ученые обнаружили, что отказ от совершения правонарушений определяется такими факторами, как продолжительность пребывания в учреждении, продолжительность проживания в домашних условиях, улучшение самооценки и наличие привязанностей. Однако исследователи не смогли определить, насколько схожи или различны эти показатели у лиц мужского и женского пола.

Хотя исследования по проблеме отказа от преступной деятельности активно ведутся в течение последних нескольких десятилетий, эта проблема остается во многом нерешенной применительно к женщинам. Недостаточность знаний о моделях криминальной карьеры женщин связана с тем, что большинство лонгитюдных исследований правонарушений проводилось на мужских выборках (Piquero, 2000). В тех работах, которые охватывают как мужчин, так и женщин, в выборку часто включается значительно меньше женщин, что не позволяет исследователям сделать значимые выводы об их моделях поведения (Giordano et al., 2002). Появляющиеся в последние годы исследования различных аспектов криминальной карьеры, таких как позднее начало, продолжение преступной деятельности и отказ от нее, позволили исследователям выявить факторы риска, связанные с принадлежностью к отдельным группам (Carr & Hanks, 2012; Gunnison & McCartan, 2005; Moffitt, 1993; White et al., 2012; Wiecko, 2014; Zara & Farrington, 2009). Однако до сих пор недостаточно изучено, как психосоциальные факторы риска могут различаться среди членов этих дискретных групп правонарушителей в зависимости от пола. Иными словами, прямое сравнение факторов риска не проводилось (за исключением работы Gunnison & Mazerolle, 2007).

Учитывая вышеупомянутые ограничения, данное исследование вносит определенный вклад в криминологические исследования преступной карьеры. Мы рассматриваем факторы, которые отличают лиц, отказавшихся от преступной деятельности, от других дискретных групп правонарушителей (а именно лиц, продолжающих преступную деятельность, начавших ее в позднем возрасте, и конформистов) по гендерному признаку, чего не было сделано предыдущими исследователями. Данная работа является одним из первых проспективных лонгитюдных исследований моделей отказа от преступной деятельности у мужчин и женщин, где размер

выборки женщин достаточно велик для проведения значимого анализа. Кроме того, мы изучили, различаются ли у мужчин и женщин процессы, которые приводят к отказу от преступной деятельности, в разрезе общей делинквентности и менее тяжких преступлений. Учитывая, что факторы начала преступной деятельности у мужчин и женщин имеют черты сходства и различия, факторы отказа от преступной деятельности также могут быть схожими и различными в зависимости от пола. В частности, чтобы систематически изучить факторы, способствующие отказу от преступной деятельности, мы рассматриваем предикторы такого отказа, обоснованные различными криминологическими теориями.

Методология

Данные, использованные для анализа, были получены в ходе Национального исследования молодежи (*National Youth Survey, NYS*) (Elliott et al., 1985, 1989). NYS – это панельное исследование, разработанное на основе общенациональной вероятностной выборки домохозяйств по всей территории США и охватывающее период с 1976 по 1993 г. (Elliott et al., 1985, 1989). Используя многоступенчатую кластерную выборку, Elliott с соавторами (1985) отметили, что в результате этой процедуры было отобрано около 67 тысяч домохозяйств, 8 тысяч из которых были включены в выборку. В них было 2 360 молодых людей, подходящих для включения в исследование. В 1976 г. 1 725 подростков обоего пола в возрасте 11–17 лет были включены в первую волну NYS¹. С момента первого сбора данных в 1976 г. прошло еще восемь волн сбора данных по этой когорте. В 1993 г. была собрана последняя волна данных по этим лицам, когда они достигли возраста 27–33 лет. В настоящее время в открытом доступе находятся данные только по семи волнам; данные по этим волнам (1–7), охватывающим 1976–1987 гг., были взяты с веб-страницы Межуниверситетского консорциума политических и социальных исследований (*Inter-University Consortium for Political and Social Research*).

В рамках всех семи волн данные собирались посредством личных интервью с респондентами. В каждой волне основное внимание уделялось предыдущему году, т. е. респонденты должны были вспомнить инциденты, произошедшие в течение предыдущих 12 месяцев. В первой волне сбора данных для обследования в рамках NYS были случайным образом отобраны 1 725 подростков, из них 917 мужского и 808 женского пола. Для целей дальнейшего анализа в окончательную выборку включаются только те испытуемые, которые имеют данные по всем семи волнам. Из-за отсутствия данных в какой-либо волне из окончательной выборки были исключены 195 человек. Таким образом, общее число лиц, по которым имеются данные по всем семи волнам, составляет 1 517² из 1 725 человек первоначальной выборки, т. е. показатель отсева составляет 12 %. Из 1 517 человек, по которым имеются данные по всем семи волнам, было 789 лиц мужского и 728 лиц женского пола.

В первой волне средний возраст выборки составлял 13,8 года; 47 % выборки составляли подростки женского пола; 63 % респондентов сообщили, что имели работу в течение последнего года. Кроме того, 79 % выборки были белыми, 14 % – афроамериканцами и 4 % – латиноамериканцами. По мнению Elliott с соавторами (1985. Р. 92), выборка первой волны NYS «представляется репрезентативной для всего населения США в возрасте от 11 до 17 лет согласно данным Бюро переписи населения США» (*U.S. Census Bureau*) в отношении демографических характеристик возраста, расы и пола в 1976 г.

Показатели отказа от преступной деятельности

Поскольку развивались преимущественно эмпирические исследования по проблеме отказа от преступной деятельности, измерение этого показателя было затруднено. Некоторые ученые объясняют это тем, что существуют «серьезные проблемы с измерением отказа от преступной деятельности» (Laub & Sampson, 2001. Р. 9). Поэтому исследования, посвященные показателям моделей отказа от преступной деятельности, сталкиваются с некоторыми эмпирическими проблемами. Одной из таких проблем является определение

¹ 635 подростков, отобранных для исследования, не приняли в нем участия из-за отказа родителей, отказа самого подростка или невозможности установить контакт с потенциальным испытуемым (Elliott et al., 1985).

² Из первоначальных 1 725 респондентов имеются данные по всем семи волнам для 1 530 респондентов. Еще 13 респондентов были исключены из-за компьютерной ошибки, в результате которой их данные стали непригодными для использования; окончательный размер выборки составил 1 517 человек.

отказа от преступной деятельности (Laub & Sampson, 2001). Так, например, его определяют как отсутствие преступных посягательств в течение более двух лет или более пятнадцати лет (Farrington & Hawkins, 1991; Sampson & Laub, 1993; Shover & Thompson, 1992).

В настоящей работе отказ от правонарушений определяется как отсутствие правонарушений в течение как минимум трех лет³. Например, все подростки, которые сообщили об участии в менее серьезных преступных действиях (например, угон автомобиля, продажа марихуаны, кража) один или несколько раз в течение волн 1–6, но ни разу в течение 1984, 1985 или 1986 гг. (волна 7), были классифицированы как «отказавшиеся от преступной деятельности». Для построения этой группы использовались общие показатели делинквентности, в результате чего в нее вошли 315 человек. Те подростки, которые сообщили об участии в менее серьезных преступных деяниях один или несколько раз в течение волн 1–6 и продолжали участвовать в них в течение 1984, 1985 или 1986 гг. (волна 7), были классифицированы как «продолжающие преступную деятельность». Для построения этой группы также использовались общие показатели делинквентности, в нее вошли 472 человека. По той же методике были выделены группы «конформистов» (92 человека) и «поздно начавших преступную деятельность» (34 человека).

Показатели теоретических конструктов

В анализ были включены показатели из различных криминологических теорий, включая социальный контроль, сдерживание, напряжение и социальное обучение. Например, в ответ на положения Gottfredson и Hirschi (1990) о низком самоконтроле в анализ включен показатель «антиобщественных наклонностей», адаптированный из работы Paternoster и Mazerolle (1994). Респондентам задавали ряд вопросов, чтобы оценить, одобряют ли они преступное и антиобщественное поведение (например, ложь, обман, избиение, нарушение правил, нарушение законов). Шкала строилась как сумма ответов на одиннадцать вопросов.

Степень социального контроля оценивалась рядом показателей. Так, о привязанности к семье свидетельствуют отношения с родителями (респондента просили оценить наличие теплых отношений и/или привязанности, поддержки и/или поощрения, получаемых от родителей). Различные аспекты привязанности к семье оценивались как сумма четырех пунктов. Далее респондентов спрашивали об их семейном положении (состоят или не состоят в браке (например, одинокие, вдовцы и т. д.)) и качестве супружеских отношений, включая значимость брака и степень удовлетворенности им. Этот вопрос оценивался как сумма шести пунктов. Вопросы о том, с кем проживает респондент, позволили оценить, влияет ли на отказ от преступной деятельности проживание с супругом или супругой по сравнению с наличием неофициальных отношений. Ответы о том, с кем респондент проживал в течение последнего года, были закодированы в две отдельные фиктивные переменные, где 1 – «состоит в браке» и 0 – «не состоит в браке» или 1 – «состоит в отношениях» и 0 – «не состоит в отношениях».

В качестве дополнительного показателя социального контроля рассматривалась привязанность к детям. Респондентов спрашивали о том, сколько часов в неделю они проводят с детьми, нравится ли им быть с детьми и удовлетворены ли они своими отношениями с ними. Эти три пункта суммировались, давая шкалу привязанности к детям⁴.

Для определения просоциальных установок респондентов просили оценить, насколько неприемлемыми они считают некие действия (например, порчу имущества, продажу наркотиков) по шкале от «действие является совершенно неприемлемым» до «действие не является неприемлемым». Девять пунктов, которые использовались для создания этой шкалы, были взяты из работы Paternoster и Mazerolle (1994). Шкала вовлеченности в повседневную деятельность охватывала ответы на 12 вопросов. Респондентов просили сообщить, сколько времени они тратят на обычные виды деятельности (например, учебу, школьные мероприятия) по вечерам в течение рабочей недели и в выходные дни.

Опросник включал также такие показатели социального контроля, как уровень образования (выпускник средней школы и выпускник колледжа), статуса занятости (трудоустроенность в прошлом году), отношение к трудоустройству (значимость работы и удовлетворенность ею), религиозная принадлежность (частота по-

³ Для данного анализа использовались только респонденты, для которых имеются данные по всем семи волнам.

⁴ Данная часть исследования ограничена группой правонарушителей, у которых были дети в изучаемый период.

сещения религиозных служб и значимость религии в жизни), беременность (была ли респондентка беременна когда-либо), употребление наркотиков и алкоголя (частота употребления алкоголя и наркотиков в прошлом году).

Для оценки теории дифференциальных связей/социального обучения оценивалось влияние девиантного поведения сверстников: респондентов спрашивали, есть ли у них друзья, совершившие различные уголовные и делинквентные поступки (например, продажа наркотиков, обман на школьных тестах). В данном исследовании использовалась шкала из девяти пунктов, основанная на работе Paternoster и Mazerolle (1994). Также был включен показатель привязанности к сверстникам. Эта шкала из девяти пунктов основана на работе Warr (1998); оценивались количество времени, проведенного со сверстниками, а также их влияние, значимость, удовлетворенность общением с ними, степень поддержки и лояльности с их стороны.

Для оценки психологического напряжения были включены показатели профессионального напряжения (например, пять пунктов для оценки напряженности от разрыва между образовательными целями, такими как окончание колледжа, и профессиональными ожиданиями, такими как получение хорошей работы или зарплаты), а также показатели негативных или вредных влияний, включая проблемы в районе проживания (например, вандализм, заброшенные дома, кражи со взломом, аварийные здания, грабежи и нападения), негативные события в жизни респондента и его родителей (например, серьезные несчастные случаи, болезни, смерти, разводы, безработица) и негативные отношения со взрослыми (например, родители респондента считали, что ему нужна помощь, что он плохой ребенок, что он непутевый, попадает в неприятности, нарушает правила поведения и законы; см., например, (Paternoster & Mazerolle, 1994)).

Для оценки отказа от преступной деятельности или влияния рационального выбора были включены показатели определенности и суровости наказания. Согласно теории, люди взвешивают риски и выгоды, прежде чем принять решение об участии в преступлении. В ходе Национального исследования молодежи респондентов спрашивали, какова, по их мнению, вероятность получить штраф или быть арестованным за участие в преступных действиях (таких как нападение, кража стоимостью более 50 долларов и др.). Респонденты отмечали свои ответы в диапазоне от 0 до 10 баллов, что означало вероятность от 0 до 100 % соответственно. Тем самым была сформирована шкала из шести пунктов, где высокие баллы указывали на высокую уверенность в наказании. Респондентов спрашивали, как они оценивают суровость наказаний за различные преступные деяния (например, нападение, проникновение в здание). Эта шкала состояла из шести пунктов, где высокие баллы указывают на значительную, по мнению респондентов, суровость наказания.

Показатели теоретических конструкторов

Опираясь на работы Elliott с соавторами (1985, 1989), мы сформировали общую шкалу делинквентности⁵, отдельные пункты которой отражали преступления различной степени тяжести. В ней суммировались ответы на девять вопросов от скрытого ношения оружия до кражи.

Показатели теоретических конструкторов

В многомерном анализе использовалось несколько контрольных переменных. Возраст измеряли в полных годах на момент оценки. Расовая принадлежность кодировалась как 0 для белых и 1 для небелых. Мужской пол кодировался как 0, женский – как 1.

Анализ

Сначала был проведен дисперсионный анализ между отдельными группами правонарушителей (т. е. лицами, отказавшимися от преступной деятельности, продолжающими преступную деятельность, начавшими ее в позднем возрасте и конформистами), чтобы оценить, существуют ли различия в психосоциальных характеристиках между группами в рамках шестой волны. Затем были проведены проверки по критерию Стьюдента, чтобы оценить, существуют ли однозначные различия на среднем уровне между лицами, отказавшимися от преступной деятельности, и продолжающими ее. Эти сравнения также позволяют оценить, насколько

⁵ За исключением тех пунктов, которые пересекаются со шкалой «индексированных правонарушений» или считаются серьезными правонарушениями. К ним относятся: скупка краденого, скрытое ношение оружия, кража вещей стоимостью менее 5 долларов, проституция, продажа марихуаны, продажа тяжелых наркотиков, нарушение общественного порядка, угон автомобиля и кража вещей стоимостью от 5 до 50 долларов.

характеристики различаются между полами. Наконец, был проведен логистический регрессионный анализ для женской и мужской выборок, чтобы определить, является ли какая-либо из теоретически выведенных переменных предиктором отказа от совершения правонарушений.

Результаты исследования

Гендерные различия в отдельных группах преступников

После дисперсионного анализа различных психосоциальных факторов риска для отдельных групп, чтобы определить возможные различия между ними, были проведены проверки по критерию Стьюдента между отдельными группами с целью выявления конкретных различий. Результаты сравнения средних уровней по отдельным группам правонарушителей (т. е. лиц, отказавшихся от преступной деятельности, продолжающих преступную деятельность, начавших ее в позднем возрасте и конформистов) для женщин представлены в табл. 1, а результаты ретроспективного тестирования мужчин – в табл. 2. Выявлен ряд важных сходств и различий между группами.

Таблица 1

Проверка по критерию Стьюдента между отдельными группами правонарушителей (волна 6: женщины), $n = 728$

Table 1. T-Test Comparisons Between Discrete Offender Groups (wave 6: Females), $n = 728$

Показатель / Indicator	Критерий Стьюдента / T-Value					
	D vs. P	D vs. L	D vs. C	P vs. L	P vs. C	L vs. C
Социальный контроль / Social Control						
Семейное положение (1983) / Marital Status (1983)	3,053**	-0,366	1,195	1,487	-1,097	0,937
Индекс моральных убеждений / Moral Belief Index	2,341**	-1,892*	-3,158**	-2,296**	-4,927**	0,097
Участие в повседневной деятельности / Involvement in Conventional Activities	1,966*	1,879*	0,459	1,181	-1,876*	-1,736*
Трудоустройство (1981) / Employed (1981)	0,748	0,547	2,441**	0,215	1,845*	0,767
Отношение к трудоустройству / Employment Attachment	1,133	0,691	-2,966**	0,347	-4,033**	-1,481
Религиозная принадлежность / Religious Attachment	2,230**	-1,142	-3,047**	-1,903*	-4,337**	-0,498
События жизни / Transitional Life Events						
Неудачная беременность / Failed Pregnancy	0,805	-0,111	-4,097**	-0,438	-5,230**	-1,00
Дифференциальные связи/социальное обучение / Differential Association/Social Learning						
Влияние делинквентных сверстников / Delinquent Peer Exposure	-1,306	1,299	5,605**	2,036**	7,019**	1,238
Привязанность к сверстникам / Peer Attachment	-2,259**	-0,427	-2,019**	0,483	-0,050	-0,539
Напряжение / Strain						
Традиционное напряжение / Traditional Strain	0,073	-0,490	-3,163**	-0,538	-3,346**	-1,265
Проблемы в районе проживания / Neighborhood Problems	-2,010**	0,171	1,304	1,033	2,802**	0,492
Сдерживание/рациональный выбор / Deterrence/Rational Choice						
Определенность наказания / Certainty of Punishment	2,724**	2,237**	-1,531	1,457	-3,358**	-2,692**
Суровость наказания / Severity of Punishment	2,441**	2,349**	-1,419	1,284	-3,206**	-2,906**
Употребление наркотиков/алкоголя / Drug/Alcohol Use						
1981	-1,961*	2,546**	6,645**	3,331**	8,215**	0,304
1982	-1,538	4,095**	6,372**	3,394**	7,649**	0,095
1983	-1,326	3,052**	7,144**	3,836**	7,892**	1,457

Примечание: D – лица, отказавшиеся от преступной деятельности, P – лица, продолжающие преступную деятельность, L – лица, начавшие преступную деятельность в позднем возрасте, C – конформисты.

* $p < 0,05$; ** $p < 0,10$.

Note: * $p < 0,05$; ** $p < 0,10$.

Проверка по критерию Стьюдента ($p < 0,05$, $p < 0,10$) показала, что женщины, отказавшиеся от преступной деятельности, отличаются от других групп по таким аспектам, как семейное положение, моральные убеждения, религиозность, определенность и суровость наказаний, привязанность к сверстникам, употребление наркотиков/алкоголя и проблемы в районе проживания. В частности, результаты теста Стьюдента, представленные в табл. 1, показывают, что такие женщины чаще ($p < 0,05$), чем женщины, продолжающие преступную деятельность, выходили замуж в 1983 г., имели более твердые моральные и религиозные убеждения. Кроме того, у женщин, отказавшихся от преступной деятельности, было больше ($p < 0,05$) неудачных беременностей, чем у конформисток. Кроме того, женщины из группы отказавшихся от преступной деятельности были чаще ($p < 0,10$) вовлечены в повседневную деятельность, чем женщины, продолжающие или поздно начавшие преступную деятельность. Однако женщины, отказавшиеся от преступной деятельности, были менее склонны ($p < 0,05$) к религии, чем конформистки. Кроме того, женщины, отказавшиеся от преступной деятельности, испытывали значительно меньшее ($p < 0,05$) традиционное напряжение, чем конформистки, и реже ($p < 0,05$) проживали в неблагополучном районе, чем те, кто продолжал преступную деятельность. Кроме того, женщины из первой группы воспринимали определенность и суровость наказаний как значительно более высокую ($p < 0,05$), чем женщины из второй и третьей групп, однако с большей вероятностью ($p < 0,05$) употребляли наркотики или алкоголь в 1981, 1982 и 1983 гг., чем женщины из третьей и четвертой групп.

Таблица 2

Проверка по критерию Стьюдента между отдельными группами правонарушителей (волна 6: мужчины), $n = 789$

Table 2. T-Test Comparisons Between Discrete Offender Groups (wave 6: Males), $n = 789$

Показатель / Indicator	Критерий Стьюдента / T-Value					
	D vs. P	D vs. L	D vs. C	P vs. L	P vs. C	L vs. C
Социальный контроль / Social Control						
Семейное положение (1983) / Marital Status (1983)	1,454a	0,493	-1,357a	-0,122	-2,039a*	-1,450a
Индекс моральных убеждений / Moral Belief Index	2,283**	-2,932a**	-5,622a*	-4,860a**	-8,868a**	-1,240a
Окончил среднюю школу / H.S. Graduate	1,685a*	0,267	-2,640a**	-0,345	-4,772a**	-1,254a
Трудоустройство (1981) / Employed (1981)	1,082a	1,966a*	1,597a	1,661a	1,186a	-0,548
Трудоустройство (1982) / Employed (1982)	0,847	2,199a**	1,294a	1,969a*	0,976a	-1,037
Религиозная принадлежность / Religious Attachment	2,289**	-0,329	-2,771**	-1,388	-4,272**	-1,892*
Дифференциальные связи/социальное обучение / Differential Association/Social Learning						
Влияние делинквентных сверстников / Delinquent Peer Exposure	-4,559**	3,393a**	4,00a**	8,240a**	7,127a**	1,416
Привязанность к сверстникам / Peer Attachment	0,935	2,756**	2,102a**	2,321**	1,818a*	-0,071
Напряжение / Strain						
Негативные отношения со взрослыми / Negative Relations with Adults	-2,983a**	0,201	1,605a	2,649a**	4,239a**	0,926
Сдерживание/рациональный выбор / Deterrence/Rational Choice						
Суровость наказания / Severity of Punishment	1,389	-0,300	-1,451	-0,938	-2,241**	-0,757
Употребление наркотиков/алкоголя / Drug/Alcohol Use						
1981	-1,678	4,126a**	3,552**	5,724a**	5,625a**	0,317
1982	-1,588	4,625a**	3,939**	6,535a**	6,729a**	0,796a
1983	-2,615a**	2,234**	5,248a**	4,78a**	7,924a**	1,206

Примечание: D – лица, отказавшиеся от преступной деятельности, P – лица, продолжающие преступную деятельность, L – лица, начавшие преступную деятельность в позднем возрасте, C – конформисты.

a – показатели Стьюдента получены после корректировки неоднородности вариаций.

** $p < 0,05$; * $p < 0,10$.

В результате попарных сравнений этих переменных, представленных в табл. 2, было выявлено множество значимых различий между отдельными группами мужчин. Так, мужчины, отказавшиеся от преступной деятельности, имели более твердые ($p < 0,05$) моральные убеждения, чем те, кто продолжал ее, но вероятность наличия у них твердых моральных убеждений была значительно ниже, чем у мужчин, начавших преступную деятельность в позднем возрасте ($p < 0,05$), и у конформистов. Кроме того, среди мужчин, отказавшихся от преступной деятельности, было значительно больше ($p < 0,10$) тех, кто окончил среднюю школу, чем среди продолжавших преступную деятельность, но меньше ($p < 0,05$), чем среди конформистов. Кроме того, мужчины, отказавшиеся от преступной деятельности, с большей вероятностью были трудоустроены в 1981 г. ($p < 0,10$) и 1982 г. ($p < 0,05$), чем мужчины, поздно начавшие преступную деятельность. Более того, мужчины, отказавшиеся от преступной деятельности, были значительно сильнее ($p < 0,05$) привязаны к религии, чем те, кто не отказался от преступной деятельности, но слабее по сравнению с конформистами. Далее мужчины из первой группы значительно реже ($p < 0,05$) имели делинквентные связи со сверстниками, чем мужчины из второй группы. Однако у первых вероятность наличия делинквентных сверстников и степень привязанности к сверстникам была значительно выше ($p < 0,05$), чем у мужчин, поздно начавших преступную деятельность, и конформистов. Кроме того, лица, отказавшиеся от преступной деятельности, значительно реже ($p < 0,05$), чем те, кто не отказался от нее, имели негативные отношения со взрослыми. Анализ с помощью критерия Стьюдента показал, что конформисты значительно выше ($p < 0,05$) оценивают строгость наказания, чем мужчины, продолжающие преступную деятельность. Наконец, те, кто отказался от преступной деятельности, значительно чаще ($p < 0,05$) употребляли наркотики или алкоголь в 1981, 1982 и 1983 гг., чем конформисты и те, кто начал преступную деятельность в позднем возрасте, однако существенно реже ($p < 0,05$), чем лица, продолжающие преступную деятельность.

В целом между отдельными группами преступников были выявлены черты как значительного сходства, так и различия по гендерному признаку. Хотя некоторые факторы риска для отдельных групп были схожи для обоих полов – например, моральные убеждения и употребление наркотиков/алкоголя, – между группами также проявились различия. Например, для разных полов значимы были отличия по таким аспектам, как семейное положение, делинквентное общение со сверстниками и проблемы в районе проживания. Чтобы выяснить сходство и различие факторов отказа от совершения правонарушений для разных полов, был использован логистический регрессионный анализ.

Роль гендерных различий в прогнозировании отказа от преступной деятельности и ее продолжения в зависимости от общей делинквентности

Проанализированы психосоциальные факторы продолжения преступной деятельности или отказа от нее у женщин-правонарушителей шестой волны^{6,7}. Результаты анализа показали, что возраст неизменно является значимым ($p < 0,05$) фактором во всех моделях (общее количество моделей – 21). В большинстве моделей респонденты старшего возраста с большей вероятностью отказывались от совершения преступлений. Замужество стало фактором отказа от преступной деятельности у женщин при $p < 0,05$, что подтверждает теорию социального контроля. Этот вывод совпадает с утверждением Sampson и Laub (1993) о том, что развитие качественных супружеских отношений может способствовать отказу от преступной деятельности. То же было показано и в исследовании Giordano с соавторами (2002). Религиозность также является предиктором отказа от преступной деятельности у женщин ($p < 0,05$). Кроме того, проблемы в районе проживания негативно связаны с отказом от преступной деятельности и, следовательно, являются значимым предиктором ее продолжения ($p < 0,10$). Кроме того, убежденность в высокой определенности и суровости наказания ($p < 0,05$) также является предиктором отказа от преступной деятельности у женщин. Наконец, употребление наркотиков/

⁶ Из-за относительно меньшего размера выборки лиц, начавших преступную деятельность в более позднем возрасте, и конформистов, для целей логистического регрессионного анализа в логит-модели сравнивались напрямую лица, отказавшиеся от преступной деятельности и продолжающие ее. Таким образом, зависимая переменная кодировалась как 0 = лицо, продолжающее преступную деятельность, и 1 = лицо, отказавшееся от преступной деятельности. При этом общий размер выборки женщин сократился до 335, а мужчин – до 452 человек.

⁷ Прогностические переменные, использованные для построения этих моделей, не стандартизировались перед включением в каждую модель. Таким образом, переменные сохранили свое первоначальное масштабирование, но относительные значения коэффициентов внутри моделей нельзя сравнивать.

алкоголя в 1981 г. значительно отличало женщин, продолжавших преступную деятельность и отказавшихся от нее: первые чаще употребляли наркотики и алкоголь в течение указанного года. В полной модели⁸ с более высокой вероятностью ($p < 0,05$, $p < 0,10$) отказывались от преступной деятельности женщины более старшего возраста, состоящие в браке, родители которых пережили негативные события в 1983 г., и имевшие высокую степень уверенности в определенности наказания (табл. 3).

Таблица 3

Волна 6: предикторы отказа от преступной деятельности или ее продолжения, женщины – полная модель

Table 3. Wave 6 Predictors of Desistance/Persistence from General Delinquency, Females – Full Model

Переменная / Variable	B	SE B	Wald	df	P
Возраст / Age	0,1264	0,0642	3,8795	1	0,0489
Семейное положение (1983) / Marital Status (1983)	0,5215	0,2649	3,8758	1	0,0490
Негативные события в жизни – родители (1983) / Negative Life Events-Parents (1983)	0,3674	0,2191	2,8105	1	0,0937
Определенность наказания / Certainty of Punishment	0,1902	0,0900	4,4678	1	0,0345
Употребление наркотиков / алкоголя – 1981 / Use – 1981	-0,1450	0,0999	2,1089	1	0,1465

Анализ социально-психологических факторов отказа от преступной деятельности или ее продолжения среди мужчин шестой волны представлен в приложении. Результаты анализа показали, что значимым предиктором отказа от преступной деятельности ($p < 0,05$, $p < 0,10$) является возраст, что верно для всех моделей за исключением двух. В частности, респонденты мужского пола старшего возраста были более склонны к отказу от преступной деятельности, а более молодые – к ее продолжению. Что касается теории социального контроля, то более высокий уровень моральных убеждений, привязанности к семье и религиозности повышал вероятность отказа от преступной деятельности у мужчин ($p < 0,05$, $p < 0,10$). Однако воздействие делинквентных сверстников ($p < 0,05$) и негативные отношения со взрослыми ($p < 0,05$) увеличивали вероятность того, что мужчины будут продолжать совершать правонарушения. Наконец, употребление наркотиков/алкоголя в 1981, 1982 и 1983 гг. значительно отличало группу мужчин, продолжавших преступную деятельность, от отказавшихся от нее: первые чаще употребляли наркотики и алкоголь в указанные годы. В полной модели⁹ у мужчин, имеющих делинквентные связи со сверстниками, была повышена вероятность продолжения преступной деятельности ($p < 0,05$) (табл. 4).

Таблица 4

Волна 6: предикторы отказа от преступной деятельности или ее продолжения, мужчины – полная модель

Table 4. Wave 6 Predictors of Desistance/Persistence from General Delinquency, Males – Full Model

Переменная / Variable	B	SE B	Wald	df	P
Возраст / Age	0,0637	0,0724	0,7734	1	0,3792
Индекс моральных убеждений / Moral Belief Index	0,3218	0,2040	2,4894	1	0,1146
Влияние делинквентных сверстников / Delinquent Peer Exposure	-0,2137	0,0746	8,1988	1	0,0042
Негативные отношения со взрослыми / Negative Relations with Adults	-0,2199	0,2174	1,0230	1	0,3118
Употребление наркотиков / алкоголя – 1983 / Use – 1983	0,1329	0,1268	1,0993	1	0,2944

⁸ Полная модель включает переменные, статистически значимые ($p < 0,10$) в рамках моделей 1–21, показанных в приложении, и исключает переменные, снижающие размер выборки до 100 человек и менее. Кроме того, два предиктора из теории социального контроля и два предиктора из теории напряжения оказались значимыми, и в каждом случае для включения в полную модель выбирался предиктор с более высоким значением статистики Вальда.

⁹ Полная модель включает переменные, статистически значимые ($p < 0,10$) в рамках моделей 1–21, показанных в приложении, и исключает переменные, снижающие размер выборки до 100 человек и менее. Кроме того, два предиктора из теории социального контроля и три предиктора из категории употребления наркотиков и алкоголя оказались значимыми, и в каждом случае для включения в полную модель выбирался предиктор с более высоким значением статистики Вальда.

В целом логистический регрессионный анализ предикторов отказа от преступной деятельности или ее продолжения для женщин 6-й волны показал, что респонденты более старшего возраста, состоявшие в браке в 1983 г., имеющие родителей, переживших негативные события, и уверенные в определенности наказания, с большей вероятностью откажутся от совершения правонарушений. С другой стороны, для мужчин вероятность отказа от преступной деятельности повышалась при уменьшении делинквентных связей со сверстниками.

Обсуждение

Полученные результаты свидетельствуют о том, что феномен отказа от преступной деятельности может объясняться различными теориями. Одной из центральных тем данного исследования было изучение того, существуют ли гендерные черты сходства и различия между отдельными группами правонарушителей. Результаты анализа с помощью критерия Стьюдента выявили сходство психосоциальных факторов, отличающих группу лиц, отказавшихся от преступной деятельности, от других групп правонарушителей по полу. Иными словами, действительно существуют определенные сходства и различия в факторах риска для женщин и для мужчин, отказавшихся от преступной деятельности, по сравнению с другими группами правонарушителей, такими как лица, продолжающие совершать преступления. Так, женщины, отказавшиеся от преступной деятельности, чаще состояли в браке, чем мужчины из той же группы или лица обоих полов, продолжающие преступную деятельность. Этот вывод согласуется с результатами, полученными Gunnison и Mazerolle (2007), однако он противоречит другим исследованиям, в которых утверждается, что наличие брака должно отличать лиц, отказавшихся от преступной деятельности, от других групп правонарушителей (Sampson & Laub, 1993). Аналогичным образом, лица обоих полов, отказавшиеся от преступной деятельности, продемонстрировали сокращение потребления наркотиков и алкоголя по сравнению с теми, кто не отказался от нее. Таким образом, дифференциация представителей этих двух групп может основываться на показателях, предложенных различными криминологическими теориями.

Еще одной важной темой данного исследования было изучение предикторов отказа от совершения преступлений в зависимости от пола и выявление сходств и различий между ними. Проведенный логистический регрессионный анализ показал, что существует ряд сходств и различий предикторов отказа от совершения преступлений у женщин и мужчин. Так, возраст неизменно являлся предиктором отказа от преступной деятельности. Лица обоих полов более старшего возраста чаще отказывались от совершения правонарушений. Этот результат подтверждает вывод Hirschi и Gottfredson (1983) о прямой связи между возрастом и преступностью независимо от пола.

Несмотря на некоторое сходство предикторов отказа от преступной деятельности по гендерному признаку, выявились и различия между ними. Одно из самых значимых таких различий касается семейного положения. Женщины, состоящие в браке, чаще отказывались от совершения правонарушений. Этот вывод согласуется с мнением ряда исследователей, которые обнаружили небольшой «эффект брака» для женщин в связи с отказом от преступной деятельности (Doherty & Ensminger, 2013; King et al., 2007; Simons et al., 2002). Для мужчин, напротив, брак не был значимым предиктором отказа от совершения преступлений. В ряде предыдущих исследований брак был признан фактором такого отказа среди мужчин (Craig & Foster, 2013; Horney et al., 1995; King et al., 2007; Sampson & Laub, 1993), однако в других исследованиях высказывалось предположение, что связь между браком и отказом от преступной деятельности для мужчин не является прямой и что такой отказ в большей степени объясняется нарушением связей с делинквентными сверстниками (см. Simons et al., 2002; Warr 1998, 2002). Последний фактор стал еще одним ключевым различием между полами в данном исследовании. Фактически сокращение делинквентных связей со сверстниками было единственным предиктором отказа от совершения преступлений среди мужчин. Этот вывод подтверждает теорию социального обучения, согласно которой люди перенимают преступное или конформное поведение у своего окружения (Akers, 1990; Sutherland, 1947). Кроме того, этот вывод подтверждает мнения предыдущих исследователей о том, что у мужчин отказ от совершения преступлений в большей степени зависит от сокращения числа делинквентных связей со сверстниками, чем от вступления в брак (Simons et al., 2002; Warr 1998, 2002). Еще одним различием в предикторах отказа от преступной деятельности было наличие родителей, переживших негативные события. Этот фактор был значимым для женщин, но не для мужчин. Поскольку этот вывод противоречит теории напряжения, он требует дальнейших исследований. Наконец, высокая степень определенности наказания служила предиктором отказа от преступной деятельности для женщин, но не для мужчин. Этот результат в некоторой степени подтверждает теорию сдерживания/рацио-

нального выбора и вносит вклад в развитие этого теоретического подхода к изучению отказа от преступной деятельности среди женщин; в рамках этого подхода предполагается, что женщины могут отказываться от совершения преступлений, если осознают последствия своих решений (см. Sommers et al., 1994).

Одно из ограничений данного исследования связано с тем, что оно опирается на самоотчеты о правонарушениях. При использовании самоотчетов респонденты могут преувеличивать свое участие в преступлениях или, напротив, не сообщать о преступлениях, в которых они участвовали (Bachman & Schutt, 2013). Кроме того, в самоотчетах респонденты, как правило, сообщают лишь о незначительных правонарушениях. Еще одно ограничение данной работы состоит в рассмотрении только легких правонарушений. Кроме того, в нашем исследовании использовались достаточно старые данные. Это объясняется тем, что материалы Национального опроса молодежи содержат множество психосоциальных характеристик, а также отсутствием других, более современных лонгитюдных наборов данных или их недоступностью для исследователей. Несмотря на то, что наши данные старые, исследуемые теоретические конструкты должны оставаться относительно инвариантными для разных поколений. Отсутствие современных данных создает несколько возможных ограничений, в том числе: 1) не учитываются некоторые виды преступных деяний (например, преступления, связанные с использованием технологий); и 2) в набор данных не включены факторы риска (например, предшествующее сексуальное насилие) для женщин.

Еще одно ограничение данного исследования касается операционального определения отказа от преступной деятельности. Некоторые исследователи утверждают, что отказ от преступной деятельности – это не состояние, а скорее процесс (см. Bushway et al., 2005). Такой подход имеет свои преимущества, поскольку он снимает ограничения статического определения (т. е. использования произвольных и непоследовательных показателей того, когда происходит данный отказ). Однако исследователи все еще расходятся во мнениях относительно того, следует ли рассматривать отказ от преступной деятельности как процесс. Очевидно, что рассмотрение этого феномена как процесса не является в настоящее время нормой. Помимо общего вывода об отсутствии значительных различий между женщинами и мужчинами в данной области, наше исследование призвано напомнить криминологическому сообществу о различных подходах, которые могут способствовать пониманию проблемы отказа от преступной деятельности. Например, теория возрастных градаций Sampson и Laub (1993) предлагает несколько предикторов отказа от совершения преступлений у женщин и мужчин. Ряд объяснений выдвигает также теория дифференциальных связей/социального обучения. Что касается теории напряжения, то в ней многие переменные не предсказывают отказа от преступной деятельности. Наконец, в рамках теории сдерживания/рационального выбора было предложено достоверное объяснение отказа от совершения преступлений среди женщин, но не среди мужчин. Таким образом, обобщая полученные результаты, криминологам следует рассмотреть возможность разработки единой теории отказа от преступной деятельности для женщин и мужчин. Единая теория, объединяющая теорию возрастных градаций, теорию дифференциальных связей/социального обучения, теорию напряжения и теорию сдерживания/рационального выбора, должна объяснить отказ от совершения преступлений у женщин. Более того, комплексная теория, опирающаяся на теорию возрастных градаций, теорию дифференциальных связей/социального обучения и теорию напряжения, способствовала бы объяснению отказа мужчин от совершения преступлений.

Один из практических выводов нашей работы состоит в том, что исправительные программы, направленные на содействие отказу от преступной деятельности, должны быть одновременно инклюзивными и гендерно-специфичными. Согласно результатам данного исследования, женщины, уверенные в определенности наказания, с большей вероятностью откажутся от совершения преступления. Из этого следует, что реабилитационные программы, проводимые для женщин в исправительных учреждениях или с помощью сеансов групповой терапии, должны быть направлены на формирование у женщин представления об определенности наказаний, назначаемых системой уголовного правосудия. Результаты нашего исследования также позволяют корректировать гендерно-специфические программы для мужчин. Например, мы обнаружили, что сокращение числа делинквентных связей со сверстниками является фактором отказа от преступной деятельности у мужчин. Следовательно, программы наставничества, которые обеспечивают просоциальное взаимодействие и способствуют развитию связей со сверстниками, не совершающими правонарушений, могут способствовать отказу мужчин от совершения преступлений (Shover, 1996).

В заключение следует отметить, что хотя ряд исследователей приходили к выводу о схожести социально-психологических предикторов преступности для обоих полов, другие криминологи утверждают, что предикторы

преступности у женщин и мужчин различны (Belknap, 2007; Burton et al., 1998; Smith & Paternoster, 1987). Результаты настоящего исследования показывают некоторые сходства и различия в факторах риска между отдельными группами преступников по полу, а также в предикторах отказа от совершения преступлений у женщин и мужчин. Таким образом, исследователи, изучающие проблему отказа от преступной деятельности, не могут исходить из общего влияния переменных независимо от пола (см. Gottfredson & Hirschi, 1990); напротив, необходимо учитывать возможность специфического влияния предикторов отказа от преступной деятельности у женщин и мужчин.

Список литературы / References

- Agnew, R. (1992). Foundation for a general strain theory of crime and delinquency. *Criminology*, 30, 47–88. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1992.tb01093.x>
- Agnew, R., & White, H. R. (1992). An empirical test of general strain theory. *Criminology*, 30, 475–505. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1992.tb01113.x>
- Akers, R. L. (1990). Rational choice, deterrence, and social learning in criminology: The path not taken. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 81, 653–676. <https://doi.org/10.2307/1143850>
- Ayers, C. D., Williams, J. H., Hawkins, J. D., Peterson, P. L., Catalano, R. F., & Abbott, R. (1999). Assessing correlates of onset, escalation, deescalation, and desistance of delinquent behavior. *Journal of Quantitative Criminology*, 15, 277–306. <https://doi.org/10.1023/a:1007576431270>
- Bachman, R., & Schutt, R. K. (2013). *The practice of research in criminology and criminal justice* (5th ed.). Thousand Oaks, CA: Sage.
- Belknap, J. (2007). *The invisible woman*. Cincinnati, OH: Wadsworth.
- Bersani, B., Laub, J., & Nieuwebeerta, P. (2009). Marriage and desistance from crime in the Netherlands: *Do gender and socio-historical context matter?* *Journal of Quantitative Criminology*, 25(1), 3–24. <https://doi.org/10.1007/s10940-008-9056-4>
- Blumstein, A., Cohen, J., Roth, J. A., & Visher, C. A. (1986). *Criminal careers and career criminals*. Washington, D.C.: National Academy Press.
- Born, M., Chevalier, V., & Humblet, I. (1997). Resilience, desistance, and delinquent careers of adolescent offenders. *Journal of Adolescence*, 20, 679–694. <https://doi.org/10.1006/jado.1997.0119>
- Broidy, L., & Agnew, R. (1997). Gender and crime: A general strain theory perspective. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 3, 275–306. <https://doi.org/10.1177/0022427897034003001>
- Brown, M., & Ross, S. (2010). Mentoring, social capital and desistance: A study of women released from prison. *Australian & New Zealand Journal of Criminology*, 43(1), 31–50. <https://doi.org/10.1375/acri.43.1.31>
- Burton, V., Cullen, F., Evans, T., Alarid, L. & Dunaway, R. (1998). Gender, self-control, and crime. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 35, 123–147. <https://doi.org/10.1177/0022427898035002001>
- Bushway, S., Thornberry, T., & Krohn, M. (2003). Desistance as a developmental process: A comparison of static and dynamic approaches to the study of desistance. *Journal of Quantitative Criminology*, 19, 129–153. <https://doi.org/10.1023/a:1023050103707>
- Carr, N. T., & Hanks, R. S. (2012). If "60 is the new 40," is 35 the new 15? Late onset crime and delinquency. *Deviant Behavior*, 33(5), 393–411. <https://doi.org/10.1080/01639625.2011.636660>
- Chen, K., & Kandel, D. B. (1998). Predictors of cessation of marijuana use: An event history analysis. *Drug and Alcohol Dependence*, 50(2), 109–121. [https://doi.org/10.1016/s0376-8716\(98\)00021-0](https://doi.org/10.1016/s0376-8716(98)00021-0)
- Cohen, A. K. (1955). *Delinquent boys: The culture of the gang*. New York: Free Press.
- Cornish, D. B., & Clarke, R. V. (1986). *The reasoning criminal: Rational choice perspectives on offending*. New York: Springer-Verlag.
- Craig, J., & Foster, H. (2013). Desistance in the transition to adulthood: The roles of marriage, military, and gender. *Deviant Behavior*, 34(3), 208–233. <https://doi.org/10.1080/01639625.2012.726173>
- Cusson, M., & Pinsonneault, P. (1986). The decision to give up crime. In D. B. Cornish & R. V. Clarke (Eds.), *The reasoning criminal: Rational choice perspectives of offending* (pp. 72–82). New York: Springer-Verlag.
- Doherty, E. E., & Ensminger, M. E. (2013). Marriage and offending among a cohort of disadvantaged African Americans. *Journal of Research in Crime & Delinquency*, 50(1), 104–131. <https://doi.org/10.1177/0022427811423106>
- Elliott, D. S., Huizinga, D., & Ageton, S. S. (1985). *Explaining delinquency and drug use*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Elliott, D. S., Huizinga, D., & Menard, S. (1989). *Multiple problem youth*. New York: Springer-Verlag.
- Esbensen, F., & Elliott, D. S. (1994). Continuity and discontinuity in illicit drug use: Patterns and antecedents. *The Journal of Drug Issues*, 24, 759–777.
- Farrington, D. P., & Hawkins, J. D. (1991). Predicting participation, early onset, and later persistence in officially recorded offending. *Criminal Behaviour and Mental Health*, 1, 1–33.
- Farrington, D. P., & West, D. J. (1995). Effects of marriage, separation, and children on offending by adult males. In Z. Vlau & J. Hagan (Eds.), *Current perspectives on aging and the life cycle* (Vol. 4, pp. 249–281). Greenwich, CT: JAI Press.
- Fillmore, K. M., Hartka, E., Johnstone, B. M., Leino, E. V., Motoyoshi, M., & Temple, M. T. (1991). A meta-analysis of life course variation in drinking. *British Journal of Addiction*, 86, 1221–1268. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.1991.tb01702.x>

- Gunnison, E. (2014). Desistance from Criminal Offending: Exploring Gender Similarities and Differences. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 15(3), 75–95.
- Giordano, P. C., Cernkovich, S. A., & Rudolph, J. L. (2002). Gender, crime and desistance: Toward a theory of cognitive transformation. *American Journal of Sociology*, 107(4), 990–1064. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-8930-6_3
- Giordano, P. C., Seffrin, P. M., Manning, W., & Longmore, M. A. (2011). Parenthood and crime: The role of wantedness, relationships with partners, and SES. *Journal of Criminal Justice*, 39(5), 404–441. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2011.05.006>
- Gottfredson, M. R., & Hirschi, T. (1990). *A general theory of crime*. Stanford, CA: Stanford University Press*.
- Graham, J., & Bowling, B. (1995). *Young people and crime*. London: Home Office Research Study 145.
- Gunnison, E., & Mazerolle, P. (2007). Desistance from serious and not so serious crime: A comparison of psychosocial risk factors. *Criminal Justice Studies*, 20(3), 231–253. <https://doi.org/10.1080/14786010701617649>
- Gunnison, E., & McCartan, L. (2005). The role of different developmental experiences: A theoretical examination of female persistence. *Women and Criminal Justice*, 16(3), 43–65. https://doi.org/10.1300/j012v16n03_03
- Hirschi, T. (1969). *Causes of delinquency*. Berkeley**, CA: University of California Press.
- Hirschi, T., & Gottfredson, M. R. (1983). Age and the explanation of crime. *American Journal of Sociology*, 89, 552–584. <https://doi.org/10.1086/227905>
- Horney, J., Osgood, D. W., & Marshall, I. H. (1995). Criminal careers in the short-term: Intra- individual variability in crime and its relation to local life circumstances. *American Sociological Review*, 60, 655–673. <https://doi.org/10.2307/2096316>
- Hughes, M. (1998). Turning points in the lives of young inner-city men forgoing destructive criminal behaviors: A qualitative study. *Social Work Research*, 22, 143–151. <https://doi.org/10.1093/swr/22.3.143>
- King, R. D., Massoglia, M., & MacMillan, R. (2007). The context of marriage and crime: Gender, the propensity to marry, and offending in early adulthood. *Criminology*, 45(1), 33–65. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2007.00071.x>
- Labouvie, E. (1996). Maturing out of substance use: Selection and self-correction. *Journal of Drug Issues*, 26, 457–476.
- Lanza-Kaduce, L., Akers, R. L., Krohn, M. D., & Radosevich, M. (1984). Cessation of alcohol and drug use among adolescents: A social learning model. *Deviant Behavior*, 5, 79–96. <https://doi.org/10.1080/01639625.1984.9967633>
- Laub, J. H., & Sampson, R. J. (2001). Understanding desistance from crime. In M. Tonry (Ed.), *Crime and justice: A review of research* (pp. 1–69). Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- Laub, J. H., Nagin, D. S., & Sampson, R. J. (1998). Trajectories of change in criminal offending: Good marriages and the desistance process. *American Sociological Review*, 63, 225–238. <https://doi.org/10.2307/2657324>
- Leonard, K. E., & Homish, G. G. (2005). Change in marijuana use over the transition into marriage. *Journal of Drug Issues*, 35(2), 409–429. <https://doi.org/10.1177/002204260503500209>
- Loeber, R., & Le Blanc, M. (1990). Toward a developmental criminology. In M. Tonry & N. Morris (Eds.), *Crime and justice* (Vol. 12, pp. 375–437). Chicago: University of Chicago Press.
- Loeber, R., Stouthamer-Loeber, M., Van Kammen, W., & Farrington, D. P. (1991). Initiation, escalation, and desistance in juvenile offending and their correlates. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 82(1), 36–82. <https://doi.org/10.2307/1143789>
- Mazerolle, P. (1998). Gender, general strain, and delinquency: An empirical examination. *Justice Quarterly*, 15, 65–91. <https://doi.org/10.1080/07418829800093641>
- McIvor, G., Trotter, C., & Sheehan, R. (2009). Women, resettlement, and desistance. *Probation Journal*, 56(4), 247–361. <https://doi.org/10.1177/0264550509346515>
- Meisenhelder, T. (1977). An exploratory study of exiting from criminal careers. *Criminology*, 15, 319–334. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1977.tb00069.x>
- Michalsen, V. (2011). Mothering as a life course transition: Do women go straight for their children? *Journal of Offender Rehabilitation*, 50(6), 349–366. <https://doi.org/10.1080/10509674.2011.589887>
- Mischowitz, R. (1994). Desistance from a delinquent way of life? In E. G. M. Weitekamp, & H. J. Kerner (Eds.), *Cross-national longitudinal research on human development and criminal behavior* (pp. 303–327). Dordrecht, the Netherlands: Kluwer Academic Publishers.
- Moffitt, T. (1993). Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy. *Psychological Review*, 100(4), 674–701. <https://doi.org/10.1037/0033-295x.100.4.674>
- Opsal, T. (2012). 'Livin' on the straights': Identity, desistance, and work among women post-incarceration. *Sociological Inquiry*, 82(3), 378–403. <https://doi.org/10.1111/j.1475-682x.2012.00421.x>
- Ouimet, M., & LeBlanc, M. (1996). The role of life experiences in the continuation of the adult criminal career. *Criminal Behaviour & Mental Health*, 6(1), 73–97. <https://doi.org/10.1002/cbm.65>
- Paternoster, R., & Mazerolle, P. (1994). General strain theory and delinquency: A replication and extension. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 33, 235–263. <https://doi.org/10.1177/0022427894031003001>
- Patterson, G. R., & Yoerger, K. (1993). Developmental models for delinquent behavior. In S. Hodgins (Ed.), *Mental disorder and crime* (pp. 140–172). Newbury Park, CA: Sage.
- Pezzin, L. E. (1995). Earning prospects, matching effects, and the decision to terminate a criminal career. *Journal of Quantitative Criminology*, 11, 29–50. <https://doi.org/10.1007/bf02221299>
- Piquero, A. R. (2000). Assessing the relationships between gender, chronicity, seriousness, and offense skewness in criminal offending. *Journal of Criminal Justice*, 28, 103–115. [https://doi.org/10.1016/s0047-2352\(99\)00040-9](https://doi.org/10.1016/s0047-2352(99)00040-9)
- Rand, A. (1987). Transitional life events and desistance from delinquency and crime. In M. E. Wolfgang, T. P. Thornberry, & R. M. Figlio (Eds.), *From boy to man, from delinquency to crime* (pp. 134–162). Chicago, IL: University of Chicago Press.

- Ragan, D. T., & Beaver, K. M. (2010). Chronic offenders: A life-course analysis of marijuana users. *Youth & Society*, 42(2), 174–198. <https://doi.org/10.1177/0044118x09351788>
- Rutter, M. (1994). Continuities, transitions, and turning points in development. In M. Rutter & D. F. Hay (Eds.), *Development through life: A handbook for clinicians* (pp. 1–25). Oxford, UK: Blackwell Scientific Publications.
- Sampson, R. J., & Laub, J. H. (1990). Crime and deviance over the life course: The salience of adult social bonds. *American Sociological Review*, 55, 609–627. <https://doi.org/10.2307/2095859>
- Sampson, R. J., & Laub, J. H. (1993). *Crime in the making: Pathways and turning points through life*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Sampson, R. J., & Laub, J. H. (1996). Socioeconomic achievement in the life course of disadvantaged men: Military service as a turning point, circa 1940–1965. *American Sociological Review*, 61, 347–367. <https://doi.org/10.2307/2096353>
- Schroeder, R. D., Giordano, P. C., & Cernkovich, S. A. (2010). Adult child-parent bonds and life course criminality. *Journal of Criminal Justice*, 38(4), 562–571. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2010.04.027>
- Shover, N. (1996). *Great pretenders: Pursuits and careers of persistent thieves*. Boulder, CO: Westview Press.
- Shover, N., & Thompson, C. Y. (1992). Age, differential expectations, and crime desistance. *Criminology*, 30, 89–104. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1992.tb01094.x>
- Simons, R. L., Stewart, E., Gordon, L. C., Conger, R. D., & Elder, G. H. (2002). A test of lifecourse explanations for stability and change in antisocial behavior from adolescence to young adulthood. *Criminology*, 40(2), 401–434. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2002.tb00961.x>
- Smith, D. A., & Paternoster, R. (1987). The gender gap in theories of deviance: Issues and evidence. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 24, 140–172. <https://doi.org/10.1177/0022427887024002004>
- Sommers, I., Baskin, D., & Fagan, J. (1994). Getting out of the life: Crime desistance by female street offenders. *Deviant Behavior*, 15, 125–150. <https://doi.org/10.1080/01639625.1994.9967964>
- Steffensmeier, D. J., & Ulmer, J. T. (2005). *Confessions of a dying thief: Understanding criminal careers and illegal enterprise*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.
- Sutherland, E. (1947). *Principles of criminology* (4th ed.). Chicago, IL: J.B. Lippincott Co.
- Sweeten, G., Piquero, A., & Steinberg, L. (2013). Age and the explanation of crime, revisited. *Journal of Youth & Adolescence*, 42(6), 921–938. <https://doi.org/10.1007/s10964-013-9926-4>
- Temple, M. T., Fillmore, K. M., Hartka, E., Johnstone, B. M., Leino, E. V., & Motoyoshi, M. (1991). A meta-analysis of change in marital and employment status as predictors of Alcohol consumption on a typical occasion. *British Journal of Addiction*, 86, 1269–1281. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.1991.tb01703.x>
- Thompson, M., & Petrovic, M. (2009). Gendered transitions: Within-person changes in employment, family, and illicit drug use. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 46(3), 377–408. <https://doi.org/10.1177/0022427809335172>
- Uggen, C., & I. Piliavin. (1998). Asymmetrical causation and criminal desistance. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 88(4), 1399–1422. <https://doi.org/10.2307/1144260>
- Uggen, C., & Kruttschnitt, C. (1998). Crime in the breaking: Gender differences in desistance. *Law and Society Review*, 32, 339–366. <https://doi.org/10.2307/827766>
- Varriale, J. A. (2008). Female gang members and desistance: Pregnancy as a possible exit strategy? *Journal of Gang Research*, 15(4), 35–64.
- Warr, M. (1993). Age, peers, and delinquency. *Criminology*, 31, 17–40. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1993.tb01120.x>
- Warr, M. (1998). Life-course transitions and desistance from crime. *Criminology*, 36, 183–216. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1998.tb01246.x>
- Warr, M. (2002). *Companions in crime: The social aspects of criminal conduct*. New York, NY: Cambridge University Press.
- Weiner, N. (1989). Violent criminal careers and violent criminals. In N. Weiner & M. E. Wolfgang (Eds.), *Violent crime, violent criminals* (pp. 35–138). Newbury Park, CA: Sage.
- White, H. R., & Bates, M. E. (1995). Cessation from cocaine use. *Addiction*, 90, 947–957. <https://doi.org/10.1046/j.1360-0443.1995.9079477.x>
- White, H. R., Lee, C., Mun, E. Y., & Loeber, R. (2012). Developmental patterns of alcohol use in relation to the persistence and desistance of serious violent offending among African American and Caucasian young men. *Criminology*, 50(2), 391–342. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2011.00263.x>
- Wiecko, F. M. (2014). Late-onset offending: Fact or fiction. *International Journal of Offender Therapy & Comparative Criminology*, 58(1), 107–129. <https://doi.org/10.1177/0306624x12458503>
- Yamaguchi, K., & Kandel, D. B. (1985). On the resolution of role incompatibility: A life history analysis of family roles and marijuana use. *American Journal of Sociology*, 90, 1284–1325. <https://doi.org/10.1086/228211>
- Zara, G., & Farrington, D. (2009). Childhood and adolescent predictors of late onset criminal careers. *Journal of Youth & Adolescence*, 38(3), 287–300. <https://doi.org/10.1007/s10964-008-9350-3>

* Принадлежит нежелательной организации в РФ / Belongs to an undesirable organization in the Russian Federation.

** Признан нежелательной организацией в РФ с 16.02.2026 / Recognized as an undesirable organization in the Russian Federation as of 16.02.2024.

Логистические регрессии для женщин и мужчин

Таблица П1

Волна 6: предикторы отказа от преступной деятельности и ее продолжения в зависимости от общей делинквентности среди женщин, $n = 335$

Контрольные переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8	Модель 9
Возраст	0,1441**	0,0697	0,1463**	0,1523**	1479**	0,1510**	0,1503**	0,1128*	0,1481**
Раса	0,0109	0,8845	0,0503	0,0374	0,0475	-0,3459	-0,0128	0,0587	0,0470
Самоконтроль									
Преступные наклонности		-0,2139							
Социальный контроль									
Трудоустройство (1981)			0,0507						
Трудоустройство (1982)				-0,1812					
Трудоустройство (1983)					0,0082				
Отношение к трудоустройству						0,1879			
Религиозная принадлежность							0,3340**		
Семейное положение (1983)								0,6144**	
События жизни									
Беременность									-0,0015

** $p < 0,05$, * $p < 0,10$.

Таблица П2

Волна 6: предикторы отказа от преступной деятельности и ее продолжения в зависимости от общей делинквентности среди женщин, $n = 335$ (продолжение)

Контрольные переменные	Модель 10	Модель 11	Модель 12	Модель 13	Модель 14	Модель 15	Модель 16	Модель 17	Модель 18	Модель 19	Модель 20	Модель 21
Возраст	0,1481**	0,1526**	0,1423**	0,1549**	0,1562**	0,1630**	0,1333*	0,1384**	0,1640**	0,1537**	0,1397**	0,1405**
Раса	0,1927	0,4658	0,1583	0,1414	0,1059	0,0822	0,1647	0,0549	-0,0060	-0,0556	-0,0341	0,0084
Дифференциальные связи / социальное обучение												
Влияние делинквентных сверстников	-0,0400											
Привязанность к сверстникам		-0,1479										
Напряжение												
Проблемы в районе проживания			-0,1131*									
Негативные события в жизни – Родители (1981)				-0,2395								
Негативные события в жизни – Родители (1982)					0,0376							
Негативные события в жизни – Родители (1983)						0,4049*						

Продолжение табл. П2

Контрольные переменные	Модель 10	Модель 11	Модель 12	Модель 13	Модель 14	Модель 15	Модель 16	Модель 17	Модель 18	Модель 19	Модель 20	Модель 21
Негативные отношения со взрослыми							-0,2349					
Сдерживание / рациональный выбор												
Определенность наказания									0,2028**			
Суровость наказания									0,2236**			
Употребление наркотиков / алкоголя												
1981										-0,2004**		
1982											-0,1228	
1983												-0,0933

** $p < 0,05$, * $p < 0,10$.

Таблица П3

Волна 6: предикторы отказа от преступной деятельности и ее продолжения в зависимости от общей делинквентности среди мужчин, $n = 452$

Контрольные переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8	Модель 9	Модель 10	Модель 11
Возраст	0,1409**	0,1604**	0,1035	0,1349**	0,1336**	0,1358**	0,1485**	0,1404**	0,1246**	0,0828	0,1528**
Раса	-0,0233	0,0082	-0,1774	0,0934	0,1165	0,1074	0,1386	0,0442	0,0994	0,1899	0,2830
Социальный контроль											
Индекс моральных убеждений		0,3622**									
Привязанность к семье			0,9892*								
Трудоустройство (1981)				0,0442							
Трудоустройство (1982)					0,1320						
Трудоустройство (1983)						0,1315					
Отношение к трудоустройству							0,0800				
Религиозная принадлежность								0,3054**			
Семейное положение (1985)									0,2073		
Дифференциальные связи / социальное обучение											
Влияние делинквентных сверстников										-0,2126**	
Привязанность к сверстникам											0,1442

** $p < 0,05$, * $p < 0,10$.

Волна 6: предикторы отказа от преступной деятельности и ее продолжения в зависимости от общей делинквентности среди мужчин, $n = 452$ (продолжение)

Контрольные переменные	Модель 12	Модель 13	Модель 14	Модель 15	Модель 16	Модель 17	Модель 18	Модель 19	Модель 20	Модель 21
Возраст	0,1446**	0,1511**	0,1478**	0,1491**	0,1195*	0,1409**	0,1515**	0,1648**	0,1530**	0,1364**
Раса	0,1549	0,0600	0,0519	0,0536	0,5975*	0,0998	-0,0419	0,0398	0,0453	0,0375
Напряжение										
Проблемы в районе проживания	-0,0759									
Негативные события в жизни – Родители (1981)		-0,0656								
Негативные события в жизни – Родители (1982)			-0,1376							
Негативные события в жизни – Родители (1983)				-0,0726						
Негативные отношения со взрослыми					-0,4731**					
Сдерживание / рациональный выбор										
Определенность наказания						0,0485				
Суровость наказания							0,1168			
Употребление наркотиков / алкоголя										
1981								-1749**		
1982									-0,1519*	
1983										-0,1956**

** $p < 0,05$, * $p < 0,10$.

Об авторе

Элейн Ганнисон является доцентом и руководителем магистерских программ кафедры уголовного правосудия в Университете Сиэтла. Она получила степень PhD в области уголовного правосудия в Университете Цинциннати в 2001 г., специализируясь на таких проблемах, как криминология жизненного цикла, женская преступность и коррекционные процессы. Ее научные интересы охватывают вопросы моделей женской преступности, таких как отказ от преступной деятельности и ее продолжение, применимость криминологических теорий к лицам женского пола, а также возвращение преступников к обычной жизни. Она выступила соавтором книги «Возвращение преступников к обычной жизни: после преступления и наказания» (соавтор – Линн Рейннер). Работы Элейн Ганнисон печатались в различных изданиях, включая Crime and Delinquency, Criminal Justice Studies, Federal Probation, Women and Criminal Justice.

About the author

Elaine Gunnison is an Associate Professor and Graduate Director in the Criminal Justice Department at Seattle University. She received her Ph.D. in Criminal Justice from the University of Cincinnati in 2001 with a specialization in life course criminology, female offending, and corrections. Her research interests include understanding female offending patterns such as desistance and persistence, the applicability of criminological theory to females, and offender reentry. She recently co-authored a book entitled, Offender Reentry: Beyond Crime and Punishment (Lynne Rienner). Her research has been published in various outlets including Crime and Delinquency, Criminal Justice Studies, Federal Probation, and Women and Criminal Justice.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 21.03.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 15.10.2024

Дата принятия в печать / Accepted 15.10.2024